

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 35 К. И НА СТ.
РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР. 40 К.

1
306
1917
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 23

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

ИЮНЬ

Гис. П. Ге-ми.

ДНИ РАЗОЧАРОВАНИЙ.

Обыватель: — Эхъ, кажется, все наполеоновское есть — и треуголка, и плащъ, и остальное, а на кого ни надѣну, никто не подходитъ...

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 Г.,

выпускаемый на основаніи постановленія Временнаго Правительства
отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 июля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе рассрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5³/₄% годовыхъ по срокъ 1 июля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по специальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.

ТОСКА ОБЫВАТЕЛЯ.

Городовой!.. Какъ звучно это слово,
Какая власть, какая сила въ немъ!
Ахъ, я боюсь — спокойствія былого
Мы безъ тебя въ отчизну не вернемъ.

Мечтой небесъ, миражемъ чудной сказки,
Опять встаетъ знакомый образъ твой,
И вижу я, что безъ твоей указки
Намъ не пройти житейской мостовой...

Гдѣ бъ ни быть ты, ты былъ всегда на мѣстѣ;
Вездѣ стоялъ ты грозно впереди;
Въ твоихъ очахъ, въ твоёмъ державномъ жестѣ
Одинъ былъ знакъ: «Подайся! Осади!».

И на людяхъ и на родномъ безлюдьи
За всѣмъ слѣдилъ твой неустанный взоръ.
Къ твоимъ словамъ прислушивались судьи,
Съ тобою былъ въ союзѣ прокуроръ.

Бранился ль я съ неугомоннымъ «ванькой»,
Иль ночью брелъ по улицамъ съ трудомъ,
Не ты ли мнѣ былъ заступникомъ и нянькой,
Не ты ли мнѣ указывалъ мой домъ?

Прекрасенъ кличъ возставшаго народа,
Волнуютъ грудь великія дѣла,
Но безъ тебя и самая свобода
Запуганному сердцу не мила.

Но безъ тебя и званье гражданина —
Пока пустой, лишенный смысла звукъ,
Какъ въ жуткой тьмѣ прекрасная картина,
Какъ люстра, не надѣтая на крюкъ.

Теперь, когда идемъ мы дикимъ скопомъ,
Забывши все, чему молились мы,
И скачетъ жизнь неистовымъ галопомъ,
И злая блажь тревожитъ намъ умы —

О, появиись съ багрово-краснымъ ликомъ,
Съ медалями, съ крестами на груди,
И обойди всю Русь могучимъ крикомъ:
«Куда ты прешь? Подайся! Осади!»

Мечтой небесъ, миражемъ чудной сказки
Опять встаетъ знакомый образъ твой...
Я заблудился безъ твоей указки,
Я по тебѣ скорблю, городовой!

Альми.

ГЕРОИ ТЫЛА.

„Въ Могилевѣ дезертиры устроили собрание и вынесли резолюцію, начинающуюся словами: „Товарищи-дезертиры, объединяйтесь“, въ которой просятъ объ отсрочкѣ имъ явки еще на 5 дней для устройства домашнихъ дѣлъ.“
(Изъ газетъ.)

— Здравствуйте, господинъ воинскій начальникъ!

— Что скажете?

— Я — делегатъ исполнительнаго комитета союза дезертировъ, Мерзавинъ.

— Гм... Очень этого... приятно. Возвращаетесь въ строй?

— Господи, какого вы обо мнѣ мнѣнія?! Развѣ я могу покинуть свой политическій постъ?! У насъ дѣловъ этихъ самыхъ политическихъ, можно сказать, куры не клюютъ. Организация молодая, требуетъ постоянной созидательной работы.

— Хорошо-съ. Чѣмъ могу служить?

— Видите ли, я делегированъ для выясненія условий, на которыхъ нашъ союзъ могъ бы войти въ контактъ съ арміей и послать туда членовъ союза, буде они пожелаютъ вернуться въ строй... Вы не курите? Пожалуйста, попробуйте моихъ. Недуренъ сортъ — хе-хе! Товарищъ изъ магазина получилъ явочнымъ порядкомъ.

— Именно?

— Хе-хе! Да просто, какъ палецъ: конфисковалъ ночью, когда въ магазинѣ постороннихъ не было. Что подѣлаешь. Время военное! Однако, съ вашего разрѣшенія продолжаю. Итакъ, вотъ наши условія. Жалованья — десять рублей въ день. Мало? Я лично думаю, хватить. Затѣмъ, право пользования отпускомъ не менѣе трехъ дней въ недѣлю, не считая субботы и воскресенья.

— Дальше.

— Для устроиста домашнихъ дѣлъ отпускъ на шесть мѣсяцевъ.

— Еще что?

— Образование изъ насъ специальной арміи дезертировъ. Вы понимаете, конечно, какую роль въ дѣлѣ сплоченія играетъ общность интересовъ.

— Что же будетъ дѣлать ваша специальная армія?

— Какъ что?! Помогать товарищамъ! При помощи насъ, ничего не будетъ стоить заманить нѣмцевъ въ ловушку. Я поясню, какимъ образомъ. Представьте себѣ, что мы, дезертиры, занимаемъ отдѣльный участокъ позиціи. И вотъ, въ одинъ прекрасный день (не откладывая въ долгій ящикъ) мы неожиданно для нѣмцевъ приступаемъ къ выполнению своихъ специальныхъ функций: то-есть мы снимаемся съ мѣста и дезертируемъ въ тылъ. Нѣмцы въ первую минуту ошеломлены, затѣмъ они бросаются за нами вдогонку. Что же дальше? Дальше, войсковыя части, стояшія справа и слева отъ насъ, даютъ нѣмцамъ зарваться, углубиться въ погонѣ за нами и смыкаютъ фронтъ у нихъ въ тылу. Пути отступленія отрѣзаны, и врагу остается позорная сдача въ плѣнъ. Не правда ли, просто?

— Это все, что вы уполномочены сообщить?

— Все. Слово за вами!

— Идите къ чорту!

— Очень даже странно съ вашей стороны! А еще «товарищъ» называется!

— Запомните, что гусь свиньѣ не товарищъ!

— Однако! Вотъ те и свобода!

Въ редакціи.

— Вы товарищъ редакторъ?

— Да-съ. Чѣмъ могу быть полезенъ?

СВОЯ МЪРКА.

Рис. Н. Радлова.

Большевикъ. — Какъ ваша фамилія, иностранецъ?

— Ллойдъ-Джорджъ.

— Очень удачный псевдонимъ для политическаго дѣятеля.

— Воззванице одно для печати. Вотъ, извольте взглянуть. «Воззваніе союза дезертировъ арміи». Если позволите, я лучше самъ прочту.

— Пожалуйста.

— «Воззваніе союза дезертировъ арміи. Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. Товарищи армейцы и матросы! Апеллируемъ къ вашему сердцу! Товарищи, довольно незаслуженныхъ оскорбленій по нашему адресу! Умѣйте цѣнить всякое званіе! Дезертиръ — слово иностранное, и потому, въ простотѣ своей и невѣжествѣ, вы думаете, что дезертиръ это все равно, что сволочь. Нѣтъ, товарищи, вы жестоко заблуждаетесь. Сравните ваше и наше положеніе. Вы сидите въ теплыхъ окопахъ или на корабляхъ, тогда какъ мы, не зная отдыха, ходимъ съ мѣста на мѣсто и стаптываемъ подметки. Васъ своевременно кормятъ, мы же ѣдимъ, что удастся найти въ оставленныхъ обывателями квартирахъ, т. е. однѣ крохи!.. Вы...

— Это все?

— Нѣтъ-съ, только первая страничка.

— Довольно. Можете идти.

— Значить, не хотите напечатать, написано, кажется, недурно.

— И вамъ не стыдно?!

— Въ какомъ смыслѣ?

— Пошелъ вонъ!!

— Извѣстное дѣло! Буржуазная газета, потому и травите насъ, пролетаріевъ дезертиривъ! Приспѣшники помѣшниковъ и капиталистовъ! Мы это даже очень хорошо понимаемъ!

У ювелира.

— Табакъ есть?

— Здѣсь ювелирный магазинъ.

— До свиданія.

— До свиданія. Э, чортъ! Постойте-ка. Не бойтесь, я не порву вашего воротника. Вынимайте изъ кармана часы! Прямо удивительно, какъ они успѣли съ прилавка попасть въ вашъ карманъ.

— Берите, чортъ съ ними, съ часами! Под-думаешь! очень нужны мнѣ ваши буржуазные часы.

— Ну-ну, не сердитесь. А кольцо вынимайте тоже, а то я вѣдь и милиціонера кликну!

— Берите и кольцо! А про милиціонера — это вы подло. Я съ вами корректно, безъ мордобитія и тому подобнаго, а вы: «милиціонера!..» Безъ полицейскаго режима и обойтица не можете! Сразу видно — бюрократъ паршивый!

Ив. Прутковъ.

* * *

Порой мнѣ страшенъ смѣхъ зеркаль

Въ пылу хмельныхъ утѣхъ.

Кто въ смыслы вѣчные вникаль,

Тотъ знаетъ этотъ смѣхъ.

Виномъ зажженная мечта

Сгораетъ въ тотъ же мигъ.

И мнится вѣчно — пустота,

А жизнь — ея двойникъ.

Душа въ душѣ отражена,

И губы ищутъ губъ.

Но вдругъ спадаетъ пелена,

И на постели трупъ.

Нѣтъ никого и ничего,

Все только пестрый сонъ.

Я распяль Бога моего,

И онъ мнѣ сталъ смѣшонъ.

Кто приняль міръ и кто ушель,

Ни слова не сказавъ.

И тотъ, кто добръ, и тотъ, кто золь,

Въ свой полдень каждый правъ.

Цѣль безъ конца. Звено въ звено,

Шуты и короли.

Кто я, кто ты — не все ль равно?

Мы — призраки земли.

Александръ Рославлевъ.

Б Ъ Ж Е Н Ц Ы.

— И вы?

— И я... Ужасно трудно достать плацкарту теперь.

— О, да... Масса бѣженцевъ.

— Тяжело.

— Не говорите. Повѣрите, мы до того спѣшили, что дома ребеночка забыли.

— Какой ужасъ. Теперь эти революціонеры его разорвутъ.

— Жена все время въ истерикѣ. Даже забыла волосы покрасить.

— Ужасно! Вотъ до чего доводитъ революція.

— Но возвращаться нѣтъ смысла. Пусть лучше дѣвочка погибнетъ, чѣмъ вся семья.

— Ужасно! Мы собрались въ два дня.

— Въ два дня? Мы въ два часа. Я приѣхалъ изъ банка, а навстрѣчу мнѣ рабочіе съ краснымъ флагомъ.

— Боже мой, прямо навстрѣчу? Какъ это перенести?

— Идутъ, плюютъ и никого не трогаютъ.

— Какая хитрость! Какая изумительная, иезуитская хитрость.

— Еще бы! Тутъ я рѣшилъ уѣхать! Сейчасъ же, сію же минуту, сію секунду. Кое-что захватили, миллионѣвъ шесть набрали, вотъ тутъ въ чемоданчикѣ, а остальное, пусть пропадаетъ.

— Да, знаете ли, мы тоже быстро собрались. Я прочиталъ телеграмму о коалиціонномъ министерствѣ и говорю женѣ: «Ѣдемъ!» Она спрашиваетъ: «Куда?» — «Натурально куда, въ Стокгольмъ». Теперь всѣ въ Стокгольмъ ѣдутъ. Вѣсь бомондъ. Жена въ слезы.

— Неужели ей такъ жаль было оставлять Россію?

— Да нѣтъ, вовсе не то, а просто у нея дорожнаго платья не было. То-есть у нея было дорожное, но для Биаррица, южное, а сѣвернаго не было.

— Какой ужасъ! И все-таки поѣхали.

— Пришлось. Не отдаваться же во власть революціи. Я очень радъ, что намъ еще удалось уѣхать. Я свой банкъ бросилъ, едва успѣлъ перевести капиталы.

— Да, конечно, намъ, бѣженцамъ, приходится сильно страдать. Я читалъ, что среди бѣженцевъ голодный тифъ развивается. Не боитесь?

— Что же дѣлать? Судьба. Я хотѣлъ экстренный поѣздъ заказать, все-таки удобнѣе.

— И не даютъ?

— Не даютъ! Вотъ вамъ и свобода передвиженія.

— Они говорятъ, что мы своимъ бѣгствомъ вносимъ панику и вывозимъ золото.

— Что же дѣлать! Бѣженцы берутъ, что могутъ. А у меня и такъ, въ домѣ осталось масса: два автомобиля, понимаете. Не могъ же я взять ихъ въ вагонъ.

— Два автомобиля? Теперь вашъ плотникъ будетъ на нихъ ѣздить.

— Ахъ, скоро ли отойдетъ поѣздъ? Я не успокоюсь, пока поѣздъ не двинется.

— Ужасное время.

— Конечно, въ Стокгольмѣ отдохнемъ.

— Тише, по перрону идутъ рабочіе.

— Боже мой, рабочіе. Я спрячусь въ уборную.

— Идите, идите, а я раскрою «Извѣстія совѣта» и буду читать. Фрайленъ, дѣти всѣ съ нами, или забыли кого-нибудь? Никогда не думалъ, что такъ трудно быть бѣженцемъ, никогда.

Борисъ Флитъ.

(Незнакомецъ)

И Х Ъ К О К О Т С Т В О.

— Большевики напоминаютъ мнѣ ночную фею, которая никогда не выходитъ на «работу» безъ грима...

— А какой у нихъ гримъ?

— Ну, какъ же: Робертъ Гриммъ.

Волкъ.

Знатный иностранец: — Нужно записать... Начиная съ вокзаловъ, курорты изобилуютъ горами, съ вершинъ которыхъ можно обозрѣвать какъ прїѣзжихъ, тоскливо бродящихъ у подножій, такъ и туземное племя *posilchicoff* (носильщиковъ), позволяющихъ себя осматривать и даже предлагать себѣ крупныя суммы за работу, но предпочитающихъ отъ оныхъ отказываться. Воздухъ великолѣпный. Курица 32 рубля.

НОВЫЙ САТИРИКОН

Я ПРИПОДНИМАЮ ЗАВЪСУ...

Разсказъ Арк. Аверченко.

И война Россіи съ Германіей кончилась такъ, какъ хотѣлъ того товарищъ Зиновьевъ, товарищъ Ленинъ и товарищъ Луначарскій: Россія заключила съ Германіей сепаратное перемиріе и зажила на обѣщанную Германіей за перемиріе субсидію, а Германія всѣми освобожденными силами снова набросилась на Францію и Англию.

— Ф-фу! — сказала товарищъ Зиновьевъ, облегченно вздохнувъ. — Поработали. Теперь можно и отдохнуть.

— Настоящій отдыхъ только за границей, — мечтательно проворковалъ Луначарскій.

— И то вѣрно... Куда бы намъ поѣхать?

— Хорошая страна — Франція, — мягко замѣтилъ Ленинъ.

— Хорошая, да не для всѣхъ, — угрюмо возразилъ Зиновьевъ.

— Почему? Страна очень красивая, плодородная да и народонаселеніе прекрасное.

— Ну, да... Суньтесь-ка туда. Это прекрасное народонаселеніе такъ дастъ вамъ по шеѣ, что не будете знать, какъ и выбраться изъ «красивой плодородной страны».

— Да, правду сказать, и зачѣмъ намъ Франція, когда существуетъ на свѣтѣ Италия... О, Dio mio! Венеціанскіе каналы, римскіе антики, чудесная полента, макароны!

— Макароны бываютъ разныя, — проворчалъ Зиновьевъ. — Отъ нѣкоторыхъ такъ болитъ шея, что свинцовой примочки ведро понадобится.

— Я слышалъ, — вставилъ Луначарскій, — что многіе туристы очень одобрѣютъ Англию. Этакіе коттеджи, ростбифъ, футболъ, Вестминстерское аббатство.

— Та-акъ. Въ качествѣ чего же вы поѣхали бы въ Англию?

— Естественно: какъ туристъ.

— А вы думаете — туристъ происходитъ отъ слова турнуть?

— А что?

— Вотъ то: турнуть насъ изъ Англии такъ, что дорогу забудемъ...

— Ну, и чортъ съ ней, съ Европой?! Поѣдемъ въ Азію. Кто, напримѣръ, изъ васъ бывалъ въ Японіи? Гейши, бумажные фонарики, дженерикши. Ахъ, красота! Одни издѣлія изъ слоновой кости чего стоятъ! Ширмочки разныя, шелковая кимоно. Вообразите: теплая японская ночь, процессія, пестрая, красочная, все унижено фонариками. И тутъ же мы стоимъ и любуемся...

— Фонарики-то, пожалуй, будутъ, — только у насъ подъ глазами... Японцы народъ серьезный и за такую штуку, которую мы выкинули, по головкѣ не поглядятъ.

— Нѣтъ, Азія по-моему нехороша. Въ ней есть что-то такое, этакое... азіатское. Что касается меня, то вотъ что меня тянетъ какъ магнитъ: свободная Америка.

Зиновьевъ скорбно усмѣхнулся.

— Хотите поѣхать въ Америку?

— Да! Чудесная страна! Ковбои, бизоны, небоскребы. Едва только вступимъ мы съ парохода на твердую землю...

— Не ступите!

— Это почему же?!

— Потому. Американцы еще покруче англичанъ. Узнаютъ, что мы русске, и тово...

— Чего?

— Этого самого. Не забывайте, что мы ихъ подвели больше всѣхъ, втянувъ въ войну, а сами тутъ же взяли да и обсепаратились.

— Казусъ! куда жъ намъ тогда ѣхать? Не въ Болгарію же или въ Турцію!..

— Эхъ, вы, бардадымы! Шапку ищете, а нъ она на головѣ. «Куда, куда ѣхать?!» Въ Германію надо ѣхать!

— А вѣдь вѣрно! И примутъ насъ тамъ хорошо, все-таки поддержали мы ихъ.

— Да ужъ поработали!

— На совѣсть!

— Господа! только условіе: если предложатъ бесплатную квартиру или тамъ столъ или даже что-нибудь изъ носильнаго платья — не брать! А то подумаютъ, что мы съ корыстной цѣлью для нихъ работали.

— Ни-ни! Чистота партійной программы — одно, а подкупъ совсѣмъ другое. Мы люди честные!

— Конечно. Не изъ-за ихнихъ паршивыхъ обѣдовъ ра-

ботали, а по Циммервальду. Вѣрую, какъ говорится, и исповѣдую.

* * *

Въ Германіи.

— Вы кто будете?

— А народъ мы необидный. Русскіе мы: Ленинъ товарищъ, да Зиновьевъ товарищъ, да опять Луначарскій — товарищъ же.

— А-а... Понимаю. Пожалуйте къ канцлеру. Онъ тамъ все сдѣлаетъ.

— Да, что дѣлать-то?! Намъ ничего не нужно.

— Ну, какъ не нужно. Это такъ говорится, что не нужно. А на самомъ дѣлѣ нужно...

— Фу, ты пропасть! Ну, пойдёмъ...

— Что?! Чекъ? Вы, господинъ канцлеръ съ ума сошли! Мы честные русскіе большевики и нѣмецкихъ денегъ намъ не надо!!

— Какъ, не надо? Такъ изъ-за чего же вы старались?

— Мы... такъ... Сами по себѣ.

— Да, что жъ вамъ за смыслъ былъ продавать своихъ союзниковъ такъ просто, зря?!

— А мы... не знаемъ... Мы были въ Циммервальдѣ... и тамъ намъ... сказали...

— Эхъ, вы! Да у васъ кто тамъ предсѣдательствовалъ, въ Циммервальдѣ?

— Робертъ Гриммъ...

— Ну, вотъ. Могу вамъ показать и расписочку его въ полученіи. Вотъ она... видите?

— Гм! неприятно. Ну, пойдёмъ.

— Вотъ оригиналы! Да вы зачѣмъ въ Германію-то поѣхали? Я думалъ — за расчетомъ.

— Вы съ ума сошли! За кого вы насъ принимаете?

— Да чего жъ вамъ надо?

— Ничего. Желаемъ, чтобы намъ оказывали уваженіе, какъ представителямъ равнаго съ вами народа.

Канцлеръ кисло поморщился и развелъ руками.

— Ну, знаете... Еще деньги я могъ бы дать, но уваженіе... это, видите ли, — не марки, его не размѣняешь и въ карманъ не положишь.

— Да, что жъ мы не такой народъ, какъ другіе, что ли?

Канцлеръ побарабанилъ сухими пальцами по портсигару.

— Выходитъ, — не такой.

— А какой же мы народъ?

— Вамъ лучше знать.

— Однако, мы вамъ помогли, освободили васъ отъ войны.

Послѣ нѣкотораго колебанія канцлеръ вдругъ всталъ и рѣшительно сказалъ:

— Да! Все это правда. Все это хорошо, прекрасно, замѣчательно. Существуютъ государства, напоминающія людей, которые, не задумавшись, всадятъ ножъ въ спину другу своему, союзнику и брату. И мы даже часто пользуемся услугами этихъ людей. Но никогда я, честный нѣмецъ, не посажу такого «полезнаго» человѣка за свой столъ и никогда не познакомлю его съ моей честной семьей. Такіе люди приходятъ ко мнѣ ночью съ чернаго крыльца, и я говорю съ ними, не пожимая протянутой пвки! Фарштейнъ-зи?

— Я волъ — вздохнули трое горемычныхъ «товарищей» и, толкая другъ друга въ дверяхъ, стали выбираться изъ комнаты.

— Вотъ скотина, — пробормоталъ Луначарскій. — Даже спасибо не сказалъ.

На другой день всѣ трое долго стояли около географической карты, безсистемно и тщетно тыкали въ нее пальцами, а вечеромъ долго разспрашивали швейцара гостиницы: какъ лучше поѣхать въ Сіамъ и Абиссинію...

— Люблю черныхъ, — вяло, съ нѣкоторой натугой объяснялъ Луначарскій.

* * *

У кого повернется языкъ сказать, что этого не будетъ — если мы продадимъ по совѣту Ленина, Луначарскаго и Зиновьева союзниковъ и братьевъ нашихъ — Францію и Англию? Аминь.

Арк. Аверченко.

Эксъ-императоръ: — А, Константинъ! И ты къ намъ? Надолго?

Константинъ: — Пока только проходное свидѣтельство до Германіи дали. Скоро безсрочную книжку выдадутъ.

ИЗ ДЫХАЮЩІЙ ЗУБРЪ.

Я врагъ вчерашняго режима,
Я рыцарь завтрашняго дня —
Безъ принужденья, безъ нажима
Къ присягѣ привели меня.

Я не ропщу, не упираюсь,
И, не боясь порвать нутра,
Я вмѣстѣ съ прочими стараюсь
Кричать пражданское «ура».

Кричу... но трудно лѣзть изъ кожи:
Бросая кличъ свой въ общій гуль,
Я сознаю — порой похоже
Мое «ура» на «карауль»!

Кричу: «Да здравствуетъ свобода!»
Но, какъ-то дико самому:
Какъ за слова такого рода
Не волокутъ меня въ тюрьму.

Клянусь я прошлаго останки,
Къ свободѣ ревностью горя,
Но все же страшно безъ охранки,
Но все же жутко безъ царя.

Идя съ народомъ шагъ за шагомъ,
Я къ страшнымъ лозунгамъ привыкъ,
Хотя порой предъ краснымъ флагомъ
Себя я чувствую, какъ... быкъ.

«Долой тирановъ!»... Гласъ мой зыченъ,
Но въ сердцѣ ропотъ, въ сердцѣ жуть;
Эхъ, надавать бы зуботычинъ
Да всѣмъ бы... глотку имъ заткнуть.

Земля и Воля!... Сладко внемлю
И мыслю: что за благодать...
Ахъ, только бъ фабрику и землю
Успѣть мнѣ во время продать.

Дремавшихъ втуне силъ излишекъ
Святому дѣлу отдаю...
Возможно ль? — Я въ толпѣ мальчишекъ
И «Марсельезу» я пою?!

Не обойтись порой безъ грима...
Но обвинять ли въ томъ меня?
Я врагъ вчерашняго режима,
Я рыцарь завтрашняго дня.

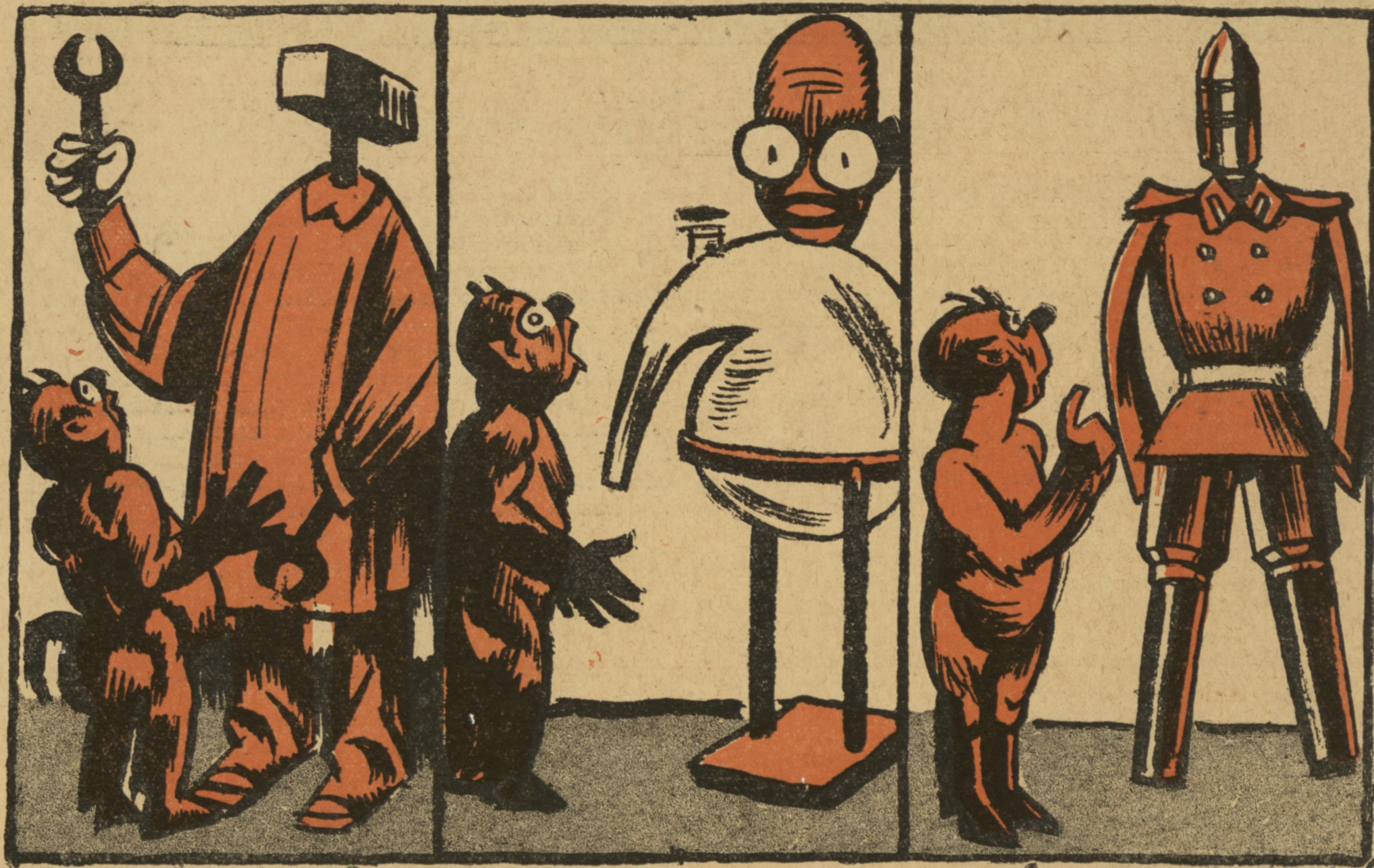
Альми.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
слѣдующій №
ЖУРНАЛА
„ЭШАФОТЪ“.

И пошелъ „Сатириконъ“ къ монарху. „Зачѣмъ началъ войну?“ И отвѣтилъ монархъ: „Буржуазія потребовала новыхъ рынковъ и колоній“.

И отвѣтилъ буржуа: „Новые рынки и колоніи необходимы для рабочаго. Потому и потребовалъ. А пока занялъ его работой на войну“.

И пошелъ „Сатириконъ“ къ рабочему: „Почему работаешь на войну?“ „Объ этомъ спроси ученаго, — отвѣчалъ рабочій — который всѣ заводы приспособилъ къ изготовленію орудій и снарядовъ“.

И пошелъ „Сатириконъ“ къ ученому: „Зачѣмъ приспособилъ?“ Ученый отвѣчалъ коротко: „Потому приспособилъ, что этого потребовалъ солдатъ“.

И пошелъ „Сатириконъ“ къ солдату: „Почему ведешь войну?“ — „А объ этомъ иди у монарха спроси“, — отвѣтилъ солдатъ.

И пошелъ „Сатириконъ...“ — см. сначала.

Магометъ: — Противно читать о русских... Столько времени говорить о сепаратномъ мирѣ, спорять, волнуются... Противно прямо.

— Еще бы не противно...

— Конечно. Предложи намъ — да развѣ бы мы разговаривать стали? Въ три дня подписали бы...

Г О С Т И.

Слышу душистую мглу,
Шорохъ ея по цвѣтамъ...
Кто-то подѣхалъ къ селу,
Кто-то навѣдался къ намъ.

Сердце — вѣщунъ-многоцвѣтъ...
Сердцу ли тайну не знать...
Сердце, скажи мнѣ: изъ бѣды
Вышла ли родина-мать?

Вечеръ разсыпалъ во мглу
Зовы лѣсовъ и полей...
Жарко пылить по селу
Пара горячихъ коней.

Новые гости? — Добро:
— Тятка, готовься на сходъ...
Звонкая пыль-серебро
Кучами въ полѣ растеть.

Вечеръ. Избушки темны...
Свѣтитъ зубило сохи...
Въ гущѣ сѣдой тишины
Сонно поютъ пѣтухи.

Вѣтеръ сгорѣлъ и затихъ
Въ алой надъ степью зарѣ...
Ангелы въ ризахъ своихъ
Рѣютъ на каждомъ бугрѣ.

И ОНЪ ЗАБОТИТСЯ.

Большевикъ: — Я братъ тоже буржуазнымъ дѣломъ занялся — о новомъ Наполеонѣ забочусь...

— О твердой власти хлопчешь?

— Дальше шагнулъ: уже островъ Святой Елены присматриваю.

КАЖДЫЙ САМЪ СЕБЪ РЕСПУБЛИКА.

(Руководство для начинающихъ.)

Несмотря на настоятельные запросы читателей, до сих поръ еще на книжномъ рынкѣ не появилось краткаго руководства по устройству мѣстныхъ республикъ, безъ особой затраты двигательной энергіи и денежныхъ средствъ. Тысячи неудовлетворенныхъ центральной властью людей организуютъ республики въ дачныхъ мѣстахъ и торговыхъ селахъ, пользуясь такими отвлеченными самоучителями, какъ «Медъ на дому», или «Мухоловъ-практикъ», быть можетъ отъ этого и республики такихъ людей крайне ограничены въ своихъ размѣрахъ, подвержены всяческому колебаніямъ и треніямъ, вплоть до экономической забастовки парламента и вѣчнаго пребыванія законодательныхъ учрежденій въ хлѣбныхъ и сахарныхъ очередяхъ. Были случаи, что такія республики распались уже просто потому, что президентъ получалъ хорошее мѣсто въ конторѣ, а парламентъ въ полномъ составѣ увлекался мѣстной демимонденкой и откалывался въ самостоятельную монархію въ одномъ изъ мѣстныхъ же увеселительныхъ заведеній.

Наше руководство, составленное опытнымъ практикомъ, имѣетъ цѣлью, предотвращая возникновение республикъ неудачныхъ, дать въ то же время и самому неподготовленному гражданину возможность организовать у себя республику легкаго типа, съ ручательствомъ за прочность.

Одновременно съ этимъ, издательство приступаетъ къ выпуску готовыхъ бланковъ съ выраженіемъ недовѣрія Временному Правительству, обращенія къ Сов. С. и Р. Д., а такъ же списокъ красивыхъ названій для вновь возникающихъ политическихъ партій.

Организація власти.

Для организаціи власти въ предполагаемой республикѣ необходимо присутствіе не только самого инициатора въ дан-

номъ мѣстѣ, но такъ же и толковаго энергичнаго помощника. Главный инициаторъ въ одномъ концѣ организуетъ власть исполнительную, помощникъ въ другомъ концѣ законодательную, причемъ объ власти идутъ навстрѣчу другъ къ другу и, сойдясь въ серединѣ мѣстечка или села, начинаютъ рѣшать вопросъ не только простымъ подыманіемъ рукъ, но и опусканіемъ ихъ на соответствующія мѣста встрѣчныхъ.

Результатомъ этой встрѣчи и должно рѣшиться, что кому подчинено — власть исполнительная законодательной, или наоборотъ. Когда наоборотъ — это чревато большими послѣдствіями въ неприятныхъ для молодой республики формахъ. Въ этихъ случаяхъ законодательная власть должна все время бѣгать за властью исполнительной и оправдывать ея дѣйствія свѣже-написанными законами. Такъ, если исполнительная власть раздавить автомобилемъ курицу частновладельческую, законодательная должна сейчасъ же издавать декретъ о полномъ уничтоженіи куръ или о націонализациі домашней птицы и способахъ уравнительнаго ея уничтоженія.

Во время перебранокъ между властями, встрѣтившимися въ центрѣ будущей республики, организаторъ ея быстро отбѣгаетъ въ сторону и послѣ недолгаго душевнаго волненія, выбираетъ себя президентомъ.

Очень хорошо, если новый президентъ до этого прошелъ общественный стажъ въ качествѣ домового уполномоченнаго или члена кооперативнаго общества служащихъ на телеграфѣ. Общественная дисциплина необходима. Испуганное населеніе принимаетъ извѣстіе о выборѣ президента довольно безучастно, такъ какъ все равно въ однихъ столичныхъ газетахъ будетъ напечатано, что онъ служилъ раньше въ охранномъ отдѣленіи, а въ другихъ, наоборотъ, отзвуются именно о немъ, какъ о единственномъ честномъ человѣкѣ, въ противовѣсъ остальному населенію, въ теченіе 22-хъ лѣтъ поддерживавшему охраннаго отдѣленія.

Парламентъ мѣстной республики лучше всего организовать изъ дачниковъ, которые случайно прибыли въ городъ за покупками. Большею частью это народъ очень веселый, недовольный существующимъ строемъ и не хочетъ возвращаться на дачу, такъ что засѣдать можетъ сколько угодно. Посты министровъ, какъ освобождающіе отъ призыва въ войска, хорошо разбираются мѣстными бѣлобилетниками и проѣзжими дезертирами. Что же касается туземныхъ маршевыхъ ротъ, то никто такъ радостно не остается на защиту мѣстной революціи отъ контръ-революціи изъ сосѣдняго уѣзда, какъ онѣ.

Однимъ словомъ, способный энергичный человѣкъ, если у него нѣтъ катарра желудка, бронхита и другихъ причинъ нежизнеспособности, въ какіе-нибудь два-три дня можетъ быстро обзавестись національной гвардіей, парламентомъ, отвѣтственнымъ министерствомъ и даже восхищенной толпой, которая организуетъ шествія по городу по самымъ различнымъ поводамъ: начиная отъ протеста противъ твердыхъ цѣнъ на почтовые марки, вплоть до выраженія сочувствія аргентинскимъ текстильнымъ рабочимъ въ ихъ борьбѣ за женское равноправіе.

Населеніе и борьба съ нимъ.

Что касается населенія, то оно все равно остается благодарнымъ, если исполнительная власть распорядится объ отмѣнѣ ежедневнаго избіенія на главной улицѣ.

Для того, чтобы возвысить республику въ его глазахъ, необходимо только придать ей внѣшне-величественную окраску. Для этого лучше всего реквизировать на нужды республики мѣстный кинематографъ, поставить на стражѣ двухъ гимназистовъ съ аллебардами, а внутри, на одной изъ стѣнъ повѣсить портретъ содержателя кинематографа, перевить его лавровымъ вѣнкомъ и внизу подписать:

«Гендерсонъ Лабриолла Тома — сторонникъ международной республики въ социалистическихъ уѣздахъ туземнаго края. Да здравствуетъ гражданское право и его союзники».

Президентъ при приѣмѣ гражданъ долженъ хранить государственное молчаніе, изрѣдка прерывая его историческими фразами:

— Никто да не будет обиженъ, кромѣ тѣхъ, кого слѣдуетъ выкинуть изъ города.

— Въ случаѣ осложненія съ Китаемъ, намъ слѣдуетъ подумать.

— Парламентъ — это мозгъ нашей страны. Подайте ему восемь стакановъ чая съ сахаромъ.

— Идите, граждане: я буду обѣдать.

— Кто изъ министровъ взялъ мою гитару?

Немедля населеніе надо облагать налогами, иначе оно совершенно не почувствуетъ твердой власти. Тутъ, конечно, все зависитъ отъ такта самого президента и его парламента. облагать по древне-славянскому обычаю — съ дыма, не стоитъ, потому что жители сразу перестаютъ топить печи и начинаютъ ѣсть сырые продукты. Съ работника — тоже не дасть хорошихъ результатовъ, потому что въ каждой семьѣ начинаются разговоры, что всѣ ее составляющіе отчаянные бездѣльники, а единственный неутомимый работникъ — дѣдушка, уже восемнадцать лѣтъ какъ померъ. Подушный налогъ тоже не проходитъ. Глава дома клятвенно увѣряетъ, что у женщины, какъ у кошки, душа — паръ, у него у самого неврозъ сердца и, въ концѣ концовъ, единственнымъ плательщикомъ почему-то оказывается старый бульдогъ, еле таскающій ноги.

Лучше облагать налогомъ безъ опредѣленной системы всѣхъ, кто попадетъ въ руки національной гвардіи и будетъ носить слѣды явно-буржуазнаго происхожденія.

Можетъ случиться такъ, что въ руки опытнаго президента попадетъ одинъ крупный домовладѣлецъ, который съ успѣхомъ замѣнитъ все податное населеніе, хотя и съ крикомъ возмущенія, но зато безъ большихъ хлопотъ. Въ его квартирѣ можетъ поселиться, кстати, весь парламентъ, національная гвардія и полномочные послы дачныхъ мѣстностей.

Въ случаѣ его сопротивленія, его можно повѣсить, какъ протестъ противъ отмѣны смертной казни, навязанной центральнымъ правительствомъ.

Личное поведеніе президента.

должно соответствовать величію, представляемой имъ республики. Попадаться въ мелкой кражѣ и требовать на судъ своего оправданія, какъ лицу незамѣнимому въ дѣлахъ внутренняго правленія — явно недопустимо. Поиски уроковъ и другой мелкой работы, въ ущербъ интересамъ республики тоже не рекомендуются.

Президентъ долженъ одѣваться со вкусомъ, но скромно. Излишняя галантность въ костюмѣ, смѣсь туалетовъ зимняго и лѣтняго, парадная одежда съ ночными туфлями, или внезапное появленіе въ тогѣ, небрежно накинутой поверхъ сѣраго костюма, все это только охлаждаетъ населеніе и сможетъ толкнуть его на перевыборы президента. Умный человекъ долженъ понимать, что старый президентъ при новомъ самое большее можетъ рассчитывать на чинъ лицейскаго десятичника, или глашатая правительственныхъ постановленій о санитарныхъ мѣрахъ въ боковыхъ переулкахъ.

Приятная наружность для президента мѣстной республики прямо необходима. Та республика, въ которой матери карточками президента пугаютъ на ночь испорченныхъ и непослушныхъ дѣтей, обречена на гибель.

Разрывъ на время съ семейными дѣлами тоже явленіе необходимое. Президентъ, котораго во время отвѣтственнаго парламентскаго засѣданія вызываютъ въ пріемную и бьютъ зонтикомъ за несвоевременную выдачу содержанія брошенной имъ женщиной — развѣ же это глава величественной организаціи?

Такъ же должны быть оставлены всѣ акты личной мести, потому что нѣтъ ничего печальнѣе, чѣмъ государственный декретъ, направленный исключительно противъ одного человека, который долженъ президенту десять рублей и не собираетъ ихъ отдавать. Объявленіе квартиры любимой женщины президента на военномъ положеніи, ради предохраненія этой квартиры отъ нахальныхъ молодыхъ людей — тоже актъ, недостойный республики. Жалованье президентъ назначаетъ себѣ самъ, стараясь, чтобы оно не превысило содержанія всѣхъ законодательныхъ учреждений, что вызвало бы справедливое нареканіе со стороны населенія...

Рис. В. Л.

Остальные мелочи президентской жизни должны быть предоставлены такту самого президента.

Надѣмся, что гг. президенты не откажутся извѣстить насъ благодарственными письмами о томъ, какую пользу въ ихъ дѣятельности принесло наше краткое руководство.

Арк. Буховъ.

С Е Р Д Ц Е.

Къ чорту глупый комочекъ мяса!
Что я съ сердцемъ — ни злой, ни добрый.
Что я съ сердцемъ — ни попъ, ни ряса,
Что-то въ родѣ ласковой кобры.
Разумъ скажетъ: «Вотъ тебѣ палка,
Бей мерзавца, попавшаго въ сѣти».
Ну, а сердце хныкаетъ: «Жалко:
У мерзавца малыя дѣти».
Разумъ скажетъ: «Юноша глупый,
Сталь ты явной жертвой Амура:
Всякій видитъ, даже безъ лупы,
Что предметъ твоей страсти — дура».
Ну, а сердце найдетъ лазейку,
Сердце живо припомнитъ случай:
Дура нищей дала копейку,
Капнувъ на носъ слезой горючей...

Написалъ я вотъ эти строчки —
Въ сердцѣ скорби край непечатый,
Сердце проситъ: «Порви на кусочки,
Никогда этихъ строкъ не печатай».
Сердце, сердце, другихъ врачаю,
Ты меня не сдѣлаешь Крезомъ!..

Ампутировать сердце хочу я,
Замѣнить себѣ сердце протезомъ.

Владимиръ Василенко.

Б У Р Ж У Й.

1.

Студентъ Тарелкинъ, въ силу наличія спѣсныхъ дѣлъ, принужденъ былъ обратиться къ извозчику.

И стояли они другъ передъ другомъ, какъ двѣ силы міра. Миѣтическая битва титановъ и извѣчная борьба антихриста съ Сыномъ Божьимъ по сравненію съ этимъ турниромъ казалась легкимъ состязаніемъ въ «шестьдесятъ шесть». Здѣсь столкнулись два класса — одинъ униженный, заклейменный проклятіемъ вѣковъ и поколѣній, а другой — неистово торжествующій, сіяющій самодовольной сытостью, упитанный черезъ кровь и потъ замученныхъ трудовыхъ жертвъ. Буржуй и пролетарій; капиталъ и трудъ, рабство и свобода.

Въ объясненіе вышеизложеннаго необходимо имѣть въ виду, что извозчикъ былъ пролетаріемъ, а студентъ буржуемъ. Извозчикъ былъ сытъ, и лицо его, — красное и лоснящееся, какъ мѣдный затворъ шестилинейной пушки, — декламировало о радости и довольствѣ. Буржуй-студентъ — былъ блѣденъ и худъ. Его брюки заканчивались бахромой, а прорванные локти наигрывали печальный вальсъ «Невозвратное время». Къ тому же онъ былъ голоденъ.

— Товарищъ, къ Николаевскому вокзалу...

— Десять.

Буржуй задрожалъ.

— Товарищъ, можетъ быть четыре? А?..

— Довольно съ насъ кровь пить! Довольно глотать нашъ потъ. Десять и никакихъ еловыхъ.

— Десять?.. Можетъ быть, восемь?..

— Десять, — и весь разговоръ тутъ.

... Они ѣхали. Буржуй сидѣлъ въ пролеткѣ, а пролетарій на козлахъ. Міръ содрогался своимъ историческимъ чревомъ отъ несправедливости социальнаго неравенства.

ПЕРЕДЪ ПРІЪЗДОМЪ КРОПОТКИНА.

— Граждане! Спасайся, кто можетъ! Главный анархистъ ъдетъ!

ПРІЪХАЛЪ.

— Дѣти! Осыпайте его цвѣтами! Да, онъ патриотъ и противъ сепаратнаго мира!

ВЫСТУПИЛЪ.

— Товарищи! Кто говоритъ о захватѣ всего, объ арестѣ всего, о конфискаціи всего, тотъ...

ЧТО СКОРО БУДЕТЪ.

— Долой буржуя Кропоткина! Долой наймита англо-японской буржуазіи! Поворачивай обратно оглобли, старикъ!.. Долой его!

Студентъ спѣшилъ на вокзалъ, чтобы попасть на поѣздъ и ѣхать въ деревню для пропаганды эсъ-эровской программы, а извозчикъ стремился въ трактиръ пить чай.

Буржуа душилъ пролетарія.

2.

Художникъ Носовъ писалъ на берегу рѣки этюдъ «Волна». Онъ клалъ четкіе увѣренные мазки одинъ за другимъ, и мало-по-малу этюдъ становился все болѣе жизненнымъ, правдивымъ и яркимъ. Въ тотъ моментъ, когда Носовъ старательно выводилъ тѣнь густого дерева, падающую на зеленую воду, — къ художнику подошелъ неизвѣстный мужчина среднихъ лѣтъ, въ сѣрой пиджачной тройкѣ.

— Мажешь?

— Рисую...

— Буржуй?

— Художникъ...

Неизвѣстный презрительно посмотрѣлъ на Носова, выплюнулъ потухшій окурокъ на полотно и спросилъ:

— Сколько получишь?

— Не знаю, право... Думаю, рублей сто...

— А много съ нимъ канителишься?

— Дней восемь... недѣлю...

— Сто цѣлковыхъ въ недѣлю! Сидишь и мажешь? А мы въ эту недѣлю льемъ свою кровь, льемъ свой потъ, и гибнемъ, какъ мухи, на твоихъ проклятыхъ фабрикахъ...

— Я вовсе не фабрикантъ, я художникъ...

— Это все равно... Буржуй!

Неизвѣстный подошелъ къ мольберту и бережно плюнулъ въ неоконченную «Волну». И стояли они оба — пролетарій и буржуй — другъ противъ друга, извѣчно борющіеся; извѣчно униженный пролетарій и сытый торжествующій буржуй. И казалось, что кто-то большой и далекій громко давалъ пощечины неизвѣстной дамѣ, носящей названіе — Мировая скорбь.

3.

Университетскій сторожъ Студень на митингѣ служителей предложилъ нѣсколько важныхъ резолюцій.

1) Представитель сторожей долженъ присутствовать въ засѣданіяхъ правленія съ рѣшающимъ голосомъ, 2) сторожа должны участвовать въ замѣщеніи вакантныхъ кафедръ и 3) сторожа могутъ назначать оклады жалованья профессорамъ и приватъ-доцентамъ. Эти три резолюціи были приняты единогласно и проведены въ жизнь.

И стояли они оба другъ противъ друга, извѣчно борющіеся, извѣчно непримиримые. Сытый буржуй-профессоръ и угнетенный пролетарій-сторожъ.

— Слушайте, Студень, факультетъ предложилъ мнѣ занять кафедру новой философіи...

— А намъ какое дѣло! Факультетъ это для насъ, извините за выраженіе, — плевокъ съ хвостикомъ...

— Я все-таки просилъ бы меня утвердить, хотя бы во имя моей докторской диссертации «Трансцендентальная эстетика Канта», о которой въ свое время покойный Виндельбанда...

— Намъ до Виндельбанда этого самаго дѣла никакого нѣтъ. Труху только разводите... Вотъ вчера тоже приходитъ одинъ изъ вашихъ и говоритъ: «Отпустите, господинъ Студень, кредитъ на покупку глобуса и телескопа». Очень намъ нужны глобусъ и телескопы...

— Но я прошу васъ... поймите... моя докторская диссертация...

— Ну такъ и быть. Знай мою доброту. Читай себѣ на здоровье. Мнѣ не жалко, а вотъ насчетъ жалованья: премного извините. Довольно вы нашей кровушки попили, нашего пота поѣли...

— Я не ѣлъ, господинъ Студень...

— Все равно — не ты, такъ другой. Семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ. И ни одной копейки больше!

... И насталъ день великаго гнѣва и клейменный рабствомъ пролетарій поднялъ полову, свергнулъ тяжелое иго сытой буржуазіи, придумавшей для его порабощенія науку и искусства.

4.

... И стояли они оба, другъ противъ друга, извѣчно непримиримые: слесарь Гвоздюкъ и онъ, — таинственный почти невидимый и прекрасный.

— Буржуй?

— Нѣтъ. Я — Деміургъ, Великій Строитель...

— Значитъ, буржуй?...

— Нѣтъ, человекъ, — персы считали меня огнемъ, Платонъ звалъ меня Деміургомъ, греки Зевсомъ, римляне Юпитеромъ, а нынѣшніе люди...

— Буржуй!

Они стояли, другъ противъ друга, — поруганный, непризнанный буржуй и ликующій триумфаторъ пролетарій. На мгновенье остановилось солнце, луна, звѣзды и весь небесный бисеръ планетъ. Но только на одно мгновенье.

Бор. Мирскій.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ «Новой Жизни» появился новый сотрудникъ — Валерій Брюсовъ. Приятно читать поэта, который по-человѣчески говоритъ, что кровь это кровь, а не машинная смазка для механизма войны:

*Борьба за право стало бойней;
Униженъ, Идеалъ поникъ...
И все нелѣпѣй, все нестройнѣй
Крикъ о побѣдѣ, дикій крикъ!
А Нѣкто темный, Нѣкто властный,
Событій нити ухвативъ,
Съ улыбкой дьявольски-безстрастной,
Длитъ обезкрыленный порывъ.*

Но насъ такое выступленіе Брюсова удивляетъ по совершенно другому поводу.

Скажите — это не тотъ самый Брюсовъ, который въ 1916 году писалъ:

*Довольно! Грудью исполненной
Вдыхаетъ русскій богатырь.
Ступивъ ногой на камень финскій,
Онъ сталъ другой на Понтѣ Эвксинскій
И грозно озираетъ ширь.*

Кажется, тотъ. И имя то же самое: Валерій. Кстати, не этотъ ли нынѣшній большевикъ въ 1915 году писалъ:

*Такъ-то, братьцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что ль?
Шапками ихъ закидаемъ!
Воевать хотятъ? — Изволь!
Отъ Индѣи до Карпатовъ
Рѣки, горы и моря
Нашихъ видѣли солдатовъ,
Силы бѣлаго царя.*

И тоже подъ стихами подпись: Валерій Брюсовъ.

Однимъ словомъ:

Фигаро-си, Фигаро-ля!

Неприятная карьера у человекъ: подкатиться къ большевизму отъ русскаго богатыря, стоящаго на камнѣ финскомъ и Понтѣ Эвксинскомъ, отъ бѣлаго царя...

Совсѣмъ какъ у Златовратскаго:

— Пиджакъ-то сѣрый и въ магазинъ купленъ, а изъ роту твоего лукомъ пахнетъ. Выполощись...

О П А С Н О С Т Ъ .

Газеты въ паникѣ вопятъ:

«Въ Россіи зрѣетъ драма —

Отъ насъ отложится Кронштадтъ».

Но я твержу упрямо:

Что будетъ паника для всѣхъ,

Для каждаго кастрата —

Когда отложится на грѣхъ

Россія отъ Кронштадта!..

С. М.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Высочайшая благодарность.

Въ хорошихъ европейскихъ гостиницахъ есть особыя книги для почетныхъ гостей, въ которыхъ тѣ расписываются передъ отъѣздомъ:

— Уѣзжая изъ „Грандъ-Отеля“ шлю благодарность администраціи. Кофе по утрамъ очень вкусно, прислуга вѣжлива, а вентиляція не заставляетъ желать ничего лучшаго, съ почтеніемъ.

Графъ такой-то.

Однако въ этой книгѣ совсѣмъ не расписываются тѣ не почетные посѣтители, которыхъ по утрамъ за неплатежъ по счету выкидываетъ отельная прислуга. Греческій король, не взирая на это обстоятельство, все же расписался въ самый моментъ вылета изъ обожаемаго отечества:

Передъ отързвліеніемъ король обратился къ Заимису съ письмомъ.

„Покидая возлюбленную страну, выражаю горячую признательность за многочисленныя услуги, оказанныя въ мое царствованіе. Также выражаю благодарность отъ имени королевы.

Дѣйствительно, мы русскіе, пошли далеко впередъ. Наше правительство протестуетъ противъ вмѣшательства въ дѣла Греціи десантныхъ командировъ, а самъ король расписывается въ преданности и уваженіи.

— У насъ въ Греціи все есть... — говоритъ герой Чеховской „Свадьбы“.

Неправда это. Собственнаго достоинства въ Греціи нѣтъ.

Патріотизмъ.

Во времена стараго режима все равно было кого вѣшать — лишь бы повѣсить. Ново-режимная провинція пошла по этому же пути: все равно кого, а повѣсить надобно. Въ Ново-Николаевскѣ

вмѣсто портрета бывшаго царя въ почетномъ мѣстѣ зала народнаго собранія выставленъ портретъ Карла Маркса.

До портрета Герцена или Чернышевскаго еще не досрости. Единственное утѣшеніе, что бѣольшая часть посѣтителей собранія считаетъ Карла Маркса издателемъ „Нивы“ и обожаетъ его, главнымъ образомъ, за бесплатныя приложенія.

Острая нужда.

Кстати, о совершенно другомъ. Л. Пасынковъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ мечтаетъ о такомъ возрожденіи русской литературы:

О, сколько романовъ просится на бумагу. Русско-киргизскихъ, русско-польскихъ, русско-узбекскихъ, русско-еврейскихъ!

Совсѣмъ російско-американская резиновая мануфактура... О русскихъ романахъ, голубчикъ, пора позаботиться, а русско-узбекскихъ избытокъ. Можетъ быть, это и не узбекскіе, но все равно — безграмотные и корявые.

Герой революціи.

Радостное извѣстіе. Въ Токио

нашъ посоль Крупенскій, въ сопровожденіи чиновъ посольства, былъ принятъ въ торжественной аудіенціи императоромъ и вручилъ его величеству новыя вѣрительныя грамоты отъ имени Временнаго русскаго Правительства. Въ своей рѣчи посоль отмѣтилъ, что онъ является представителемъ новой возрожденной Россіи и что провозглашенныя Временнымъ русскимъ Правительствомъ возвышенныя принципы и т. д.

Крупенскій, братъ Поля-Освѣдомителя, въ качествѣ провозвѣстника возвышенныхъ принциповъ русской революціи — это звучитъ не такъ гордо, какъ глупо. Не освободится ли гдѣ-нибудь мѣстечко посла для Маркова II? У насъ возвышенныхъ идей для всѣхъ хватитъ...

Кровофилы.

Культурный человекъ, описывая утопленника, хотя бы въ тонѣ выразить сожалѣніе. Ботокудъ непременно внесетъ характерную черточку своей націи.

— Изумительный утопленникъ. Большой такой. Вкусный навѣрное. Такъ бы и съѣлъ ножку.

Всѣмъ извѣстенъ случай, какъ Керенскій сумѣлъ сдѣлать историческимъ изгнаніе изъ арміи какого-то солдата, заявившаго, что онъ не пойдетъ въ наступленіе. Вся Россія привѣтствовала, что словомъ, а не оружіемъ, было побѣждено то, что казалось бы внѣ воздѣйствія слова.

Однако корреспондентъ „Рѣчи“ другого мнѣнія:

— Господинъ полковникъ, — сказалъ Керенскій, задыхаясь, — возьмите этого человекъ...

— „И разстрѣляйте его“, — напращивалось на умъ невольню.

Вотъ въ этомъ — вся трагедія большевизма и кадетства. Люди, которые хотятъ крови во что бы то ни стало. И какъ бы ни былъ силенъ историческій фактъ и историческое слово, все равно заросшія волосами человекъ съ пригороднаго кирпичнаго завода и сытенькій доцентъ изъ уютной редакціи тянутъ одну и ту же пѣсню:

— Эхъ, кровцы бы немного... Чтой-то кровушки захотѣлось...

Предметная система.

Вотъ это уже изъ области организованнаго ураганнаго огня изъ орудій крупныхъ калибровъ по воробьямъ.

Ставка верховнаго главнокомандующаго (ПТА). Верховный главнокомандующій ген. Брусиловъ выѣхалъ къ фронтнымъ частямъ въ сопровожденіи группы лекторовъ, организованной обществомъ младшихъ преподавателей московскаго университета. На фронтахъ будетъ прочитанъ рядъ лекцій съ цѣлью пропаганды идеи свободнаго государства въ противовѣсъ разрушительной агитаціи „ленинцевъ“.

Мы плохіе стратеги, но и намъ представляется туманной атака, во время которой за каждымъ рядовымъ будетъ бѣжать даже очень хорошій лекторъ и снабжать удачный штыковой ударъ во-время выисканной цитаты.

— Товарищи! Развертывай книгу! Тамъ сбоку нѣмецъ заходитъ...

К О В Р Е М Е Н И.

Рис. А. Р.

Брюшко подвело.

Брюшко подвело.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Ю. Нов—дному. По неожиданности-риѣмъ и образовъ ваше стихотвореніе напоминаетъ лучшіе образцы русской поэзіи, только оно немного хуже.

...Весна настала золотая...
Я цѣлый день сижу, мечтая
У своего окна,
Или брожу одна
По улицамъ,
Присматриваюсь къ встрѣчнымъ лицамъ*.

Идите на Марсово поле, соберите около себя толпу и всенародно поклонитесь, что не будете писать стиховъ. Этого запустать нельзя. Опасно.

Б. Провинція.

Лысая гора. Лыс—скому. — Ваши афоризмы потрясающи. Говорятъ, что дуракъ всегда останется дуракомъ, даже въ томъ случаѣ, если онъ станетъ соц-демократомъ, большевикомъ*.
Не завидуемъ той горѣ, на которой вы живете. Отъ такихъ остротъ не то что облысѣть — посѣдѣть можно.

Въ пространство. Украинцеву. — Вамъ всего лучше удается эпось:

Сіяетъ солнце въ небесахъ...
Идетъ по улицѣ монахъ.
Все небо точно бирюза...
Монаху встрѣтилась коза*.

Стоитъ ли опубликовывать такіе мелкіе факты изъ мѣстной хроники въ столичномъ журналѣ? Если бы еще монахъ объявилъ республику, а коза сдѣлалась продовольственнымъ комиссаромъ...

Хабаровскъ. Непомнящему. — Васъ нужно держать дальше отъ собакъ. Онѣ на васъ, повидимому, дѣйствуютъ немного странно:

„Какъ хорошо! пріятный вѣтеръ
Касается твоихъ ланитъ;
Тебѣ пріятно, ты какъ сеттеръ
Готовъ во мнѣ все вспламенить*“.

Какъ это ни обидно — стихотвореніе не пойдетъ. Читатели не доросли. Сами знаете — какъ тяжело выдвинуться таланту.

Арк. Б.

Редакторъ: Арк. Буховъ.
Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и г.б.выми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:
Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.
Цѣна 2 рубля

Томъ 3-й. Чортова дюжина.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Т э ф ф и.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.

Цѣна 2 рубля.

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ **КАЗИМИ**
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИН-СТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МИРА. БЕЗСПОРНО РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТ ВЕСНУШКИ, УГРИ, ПЯТНА, ЗАГАРЪ, МОРЩИНЫ И ДР. ДЕФЕКТЫ ЛИЦА.

Casimir

Отъ редакціи.

Въ виду запросовъ новыхъ подписчиковъ, контора редакціи извѣщаетъ, что подписка на „Нов. Сат.“ на 1917 г. принимается только на цѣлый годъ съ платой 11 р., со всѣми приложеніями, объявленными ранѣе. Новымъ подписчикамъ журналъ будетъ высланъ только съ 16 №

Вышелъ № 1 журнала
„ЭШАФОТЪ“.

Органъ памфлетовъ.

...Дико-необузданный взрывъ, вынужденный упорствомъ, ничего не пощадитъ; онъ за личныя лишенія отомститъ самому безличному достоянію. Съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, погибнетъ другой капиталъ, идущій отъ поколѣнія къ поколѣнію, и отъ народа къ народу. Капиталъ, въ которомъ осѣдала личность и творчество разныхъ временъ, въ которомъ сама собой наслонилась лѣтопись людской жизни и кристаллизовалась исторія.

Разъ излившаяся сила истребленія уничтожитъ вмѣстѣ съ межевыми знаками и тѣ предѣлы силъ человѣческихъ, до которыхъ люди достигали во всѣхъ направленіяхъ съ начала цивилизации.

А. Герценъ.

5-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб. съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 на 1 мѣс. 95 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 80 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 64. Телефонъ 644-56.

Нѣмецкій фермеръ: — Какъ сладко отдохнуть на своей собственности — русскомъ хлѣбѣ.

Нѣмецкій рабочій: — Приятно совмѣстно съ русскими рабочими подавить буржуа — къ слову сказать, тоже русскаго...

Нѣмецкій капиталистъ: — Кажется, я не очень сильно сдавилъ русскаго предпринимателя: онъ все-таки можетъ торговать селедкой на улицахъ.

И только обывателю все равно съ кѣмъ спорить [о доктринахъ нѣмецкаго социализма, благо нѣмцы] народъ вѣжливый и полѣньями не дерутся...